

В городе на Неве прошла *Международная научно-практическая конференция "Роль традиционных религий России в противодействии религиозному экстремизму в Северо-Западном регионе"*.

В перерыве между выступлениями основных спикеров удалось задать несколько вопросов муфтию

Санкт-Петербургской Соборной мечети

Равилю Панчееву

о мировом терроризме, ситуации с радикальными группировками в Петербурге, реставрации главной городской мечети и даже о недавнем шествии Бессмертный полк.

- Равиль Джафярович, недавно на саммите G7 лидеры стран Большой семерки в очередной раз призвали бороться с мировым терроризмом. Ожидаете ли вы от них каких-то реальных действий?

— Рассказывать нам ничего не надо, это порождение тех же государств, что пытаются таким образом взять и стать гегемонами на планете. Идет холодная война, которая не прекращалась, — это борьба за мировые ресурсы. Мы прекрасно знаем, что происходило в конце 70-х годов, в 80-90-е годы, как появилась Аль-Каида, как появилось исламское государство. Под видом борьбы с режимом **Хуссейна** знаем, что произошло и к чему народ этой страны дошел. Мы видели события на севере Африки: цветные революции, смена режима, знаем, кто создавал коалиции, чтобы устроить этот режим. Это геополитическая игра, и мы ее же наблюдаем в соседней стране сейчас, на

Украине.

Итог G7 — это слова, не подкрепленные какими-то действиями по разрешению проблемы. Мы и сами это видим — люди, которые пережили Отечественную войну, развал СССР, чеченские войны, конфликты на

Северном Кавказе

, мы видели террористические акты, мы осознаём, что происходит и к чему может перейти современный терроризм.

Я в свое время работал в **Ливии** и видел свержение **Каддафи**, лидера этой страны. Во что превратилась эта страна? Там социальная политика была поставлена на такой

уровень, что многим западным странам было завидно. Там пенсионерам продукты питания домой привозили бесплатно, а если человек заболел, то государство по всему миру искало специалиста, чтобы его вылечить. А сейчас мы наблюдаем подобное? Полный развал – не только страны, всей системы. Мы этого не хотим для себя. И если есть у нас рычаги, назовем это слово, есть пастыри, священнослужители, проповеди, взаимодействие служителей традиционных конфессий – при поддержке государственных органов, конечно, мы должны оказывать противодействие.

- Многие эксперты считают, что опасность со стороны ИГИЛ недооценена в России и что угроза может прийти к нам с Кавказа или из Средней Азии. Вы разделяете это мнение?

— Мы наблюдаем, что со стороны **Северного Кавказа** тоже есть представители ИГИЛ. Начало уже положено. Если не предпринять соответствующие меры, то куда они денутся – вернутся в нашу страну. Они не в состоянии заниматься мирным трудом, они будут заниматься той своей работой, которую они прекрасно знают. Они неспособны работать, они способны только разрушать. Конечно, они недооценены. Это совершенно другая религиозная ветвь, это подпитка, это своего рода информационное давление со стороны. Хотя мы говорим ваххабизм, ваххабизм, но у нас в стране он не запрещен. *Сейчас появляется Аль-Васатыя – то же самое течение, но они прекрасно развиваются*. Они везде есть, но где-то активно работают, где-то неактивно.

У нас в регионе активность низкая по сравнению с другими регионом – с европейской частью России и Северным Кавказом, волноваться не надо. Но от ваших коллег требуется поддержка. Раздражать людей не стоит. Есть порядочные люди, которые исповедуют Ислам, они прекрасные сыновья и дочери своей страны и их не надо обижать и вешать ярлыки: исламисты. Или если человек совершает преступление, мы не говорим, что он принадлежит к какой-то религии. Здесь нет этого оттенка, человек просто пересек черту, закон преступил. Он может быть верующим, но здесь он нравственный закон преступил, социальный. Он преступник. Без каких-либо национальных и религиозных оттенков.

Когда на Думской улице кричали Аллах Акбар! – почему этого человека называли религиозным? Если он верующий, по кабакам он не ходит. Если в этом кабаке есть спиртное, он не должен там находиться. Значит, он уже не имеет отношения к религии, но этот ярлык на него вешается, потому что он кричал Аллах Акбар!. А если он при этом в мечеть не ходит, не соблюдает религиозный закон, как мы можем его назвать принадлежащим к нашей вере? Он относится к народу, который в большинстве своем

исповедует Ислам, – всё.

- Равиль Джафярович, мы знаем, что вы ведете большую духовную и просветительскую работу в школе при Соборной мечети. А объясняете ли вы на этих уроках законы России?

— Мы это делаем в своих проповедях, мы объясняем на таких примерах, допустим: если человек приходит в церковь, то где он свою машину оставляет? Если он бросает ее где попало, не будет ли в этом месте она мешать прохожим? Будет ли ваша молитва принята, если вы так поступаете? Если вы ставите барьер другому человеку и при этом хотите общаться с Богом, как это сочетается? Если человек приходит в мечеть и не соблюдает нормальные человеческие правила, то в чем смысл его молитвы? Если ты религиозный, то будь во всем религиозным.

- К слову о Соборной мечети, как идет реставрация и когда закончится?

— Когда это произойдет, мы пока не знаем. Пока все согласования идут, пока конкурс пройдет... Сейчас конкурс на последнем этапе – майолику должны поменять. По плану стоит сдача в октябре 2015-го, но будем ждать и уповать на Всевышнего.

- Наблюдаете ли вы в мечети отток людей в связи с ужесточением миграционной политики Петербурга?

— По пятничным молитвам мы не наблюдаем. Может, это из-за того, что в Апраксином дворе молебная комната закрылась, и основной поток перешел к нам. Сказать, что людей мало стало, нельзя. У нас сколько было, столько и есть. И даже увеличилось количество людей.

- 9 мая мы видели много мусульман в шествии Бессмертного полка. Охотно ли они принимали участие в этой акции, и какое впечатление она произвела лично на вас?

— Мы никого не заставляли, люди сами шли, участвовали и радовались тому, что есть возможность и есть условия, чтобы через улицы пройти и показать своих родных. Были бы они живы – своими ногами бы прошли. Когда рядом нет человека, который приближал победу эту, без слез это невозможно воспринимать, перед глазами весь ужас тех событий. Мы даже не понимаем, как они могли это пережить, а они не то что пережили, а победили! И это важно, и нельзя терять эту связь, необходимо передавать ее из поколения в поколение. Тем более, что в последнее время есть попытки историю переписать. Но у нас есть память, и пока она есть, переписать историю будет невозможно.